

Лев Николаевич Толстой

О безумии

Лев Толстой

О безумии

«Public Domain»

1910

Толстой Л. Н.

О безумии / Л. Н. Толстой — «Public Domain», 1910

«...В Оптиной пустыни в продолжение более 30 лет лежал по полу разбитый параличом монах, владевший только левой рукой. Доктора говорили, что он должен был сильно страдать, но он не только не жаловался на свое положение, но постоянно, крестясь, глядя на иконы, улыбаясь, очевидно, искренно выражал свою благодарность Богу и радость за ту искру жизни, которая теплилась в нем. Десятки тысяч посетителей бывали у него, и трудно представить себе все то добро, которое распространилось в мире от этого, лишенного всякой возможности деятельности, человека...»

© Толстой Л. Н., 1910

© Public Domain, 1910

Содержание

I	5
II	7
III	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Лев Николаевич Толстой

О безумии

Ce sont des imbeciles. Un imbeciles est avant tout un homme qu'on ne comprend pas. (Это – безумцы. Безумец – это прежде всего человек, которого не понимают.)

I

Вот уже много месяцев, особенно в последнее время, что я получаю не менее 2, 3 ежедневно (нынче было три) писем, в которых молодые люди, молодые девушки пишут мне о том, что они решили покончить с собой, но почему-то обращаются ко мне в надежде, что я избавлю их от этого каким-то моим советом. Письма эти бывают трех различных характеров. Первый самый обыкновенный: сельская учительница ради служения народу желает бросить свои занятия (она, мол, не достаточно образована для просвещения народа) и идти на курсы. И желание ее так сильно и так благородно, как она думает, что она решила покончить с робой, если желание это не будет исполнено. Или восторженный юноша, готовый покончить с собой, если ему не помогут развить свои, как он чувствует, могучие силы. Или изобретатель, желающий осчастливить человечество, или поэт, чувствующий свою гениальность, или девица, желающая умереть или поступить на курсы, или женщина, влюбленная в чужого мужа, или мужчина, влюбленный в замужнюю женщину. Письма различные по полу, возрасту, положению, но во всех их одна черта, общая всем этим людям. Черта эта – слепой, грубый эгоизм, не видящий ничего, кроме своей персоны. «Повсюду несправедливость, жестокость, обманы, ложь, подлость, разврат, все люди дурны, кроме меня, и потому естественный вывод, что так как моя душа слишком возвышенна для этого порочного мира или порочный мир слишком гадок для моей возвышенной души, то я не могу больше оставаться в нем».

Таков первый разряд писем. Второй разряд это письма людей, желающих служить народу и не находящих способа приложения своих, очевидно, предполагаемых великих сил. – Человек так благороден, так возвышен, что не может жить для себя, а желает посвятить свою жизнь на служение другим, но или не может этого делать, люди мешают ему, или сам не может почему-то отдаваться этому самоотверженному служению.

Человека не было никогда. Вдруг он появился и видит вокруг себя весь мир Божий, солнце, небо, деревья, цветы, животные, люди такие же, как он, которые любят и которых он может любить, и сознает сам себя со своими способностями разума и любви, которые он может довести до высшего совершенства. Все это дано ему откуда-то как-то, задаром, хотя он ничем не мог заслужить этого, и вероятно для чего-нибудь, но он и не думает задавать себе этих вопросов.

Его никогда, никогда не было. И вдруг он сознает себя живущим, видит весь мир со всеми его радостями: солнцем, природой, растениями, животными, людьми такими же, как он сам, привлекающими его к себе, обещающими радость взаимной любви, видит возможность такого блага, выше которого он ничего не может себе представить, а он говорит:

«Все это нехорошо, и мне не нужно всего этого. Я хочу совсем другого, гораздо более важного. Я хочу, чтобы у меня было столько же денег, как и у Ивана Иваныча, или хочу, чтобы Марья Петровна любила меня, а не Семена Иваныча, или чтоб Семен Иваныч любил только меня одну, а никого другого; я хочу, чтобы я мог или могла выучиться разным наукам и за это получить такую бумагу, вследствие которой мог или могла бы ради служения народу сесть

ему на шею. Или, что самое обыкновенное среди так называемой интеллигентной молодежи, хочу, чтобы я мог устроить ту республику, которую мы с Тихоновым и Мишиным так хорошо обдумали в нашей фракции.

«Но этого нет. А потому весь мир никуда не годится и должен быть уничтожен. А так как я не могу уничтожить мир, то уничтожу себя. На это есть нашатырный спирт, есть вагоны, бегающие по рельсам, есть третьи этажи, есть револьверы. Не хочу жить. Оставайтесь одни без меня. Нате вам».

И это не шутка, а ужасная, страшная правда.

Человек ищет блага (если он живет, то ищет благо – жизнь есть только стремление к благу). Человек ищет блага, благо возможно для человека только в жизни, и вот человек, окруженный благом, для получения которого ему нужно только протянуть руку, и даже не протягивать руку, а только не отталкивать того блага, которое даром дается ему, и вот человек этот вместо того, чтобы брать это благо, не только не берет его, но уходит из тех условий, в которых только он и мог получить это благо. Все равно, как если бы человек, томимый жаждой, зная, что вода есть только в реке, для того, чтобы утолить свою жажду, уходил бы от того места, в котором одним он может получить то, к чему стремится.

II

Иногда спрашивают: имеет ли человек право убить себя? Слово право тут неуместно. Право только для живых. А как только человек убил себя, он вне рассуждений о праве. И потому вопрос может быть только в том: *может* ли человек убить себя. А что это он может, это мы видим на деле, видим, как люди не переставая в разных видах пользуются этой возможностью, убивая себя иногда понемножку, развратом, водкой, табаком, опиумом, иногда, как на войне, на дуэлях, подвергая себя большой вероятности смерти, иногда же сразу, как самоубийцы. Возможность эта убить себя, как я думаю, дана человеку, как спасательный клапан. При этой возможности человек не имеет права (вот тут уместно выражение: иметь право) говорить, что ему невыносимо жить. Невыносимо жить – так убей себя, та можешь это сделать, и некому будет говорить о невыносимости жизни. Вопрос, стало быть, не о праве человека убивать себя, а только о том, разумно ли и нравственно ли (разумное и нравственное всегда совпадают) делать это? И ответ всегда был и есть один: что это и неразумно и безнравственно.

Неразумно, во-первых, потому, что так как жизнь вне времени и пространства и потому не может быть уничтожена смертью тела, то, прекращая проявление жизни в этом мире, убивающий себя человек не может знать, будет ли ее проявление в другом мире более ему приятно, а во-вторых неразумно, потому что, прекращая жизнь в этом мире, человек лишает себя возможности изведать и приобрести для своего я все то, что оно могло изведать и приобрести в этом мире. Кроме того, и главное, это неразумно, потому что, прекращая свою жизнь в этом мире из-за того, что она ему кажется неприятной, человек показывает этим то, что он имеет превратное понятие о назначении своей жизни, предполагая, что назначение ее есть его удовольствие, а не служение тому делу, которое совершается всей жизнью мира. Этим же самоубийство и безнравственно: человеку дана жизнь только под условием его служения жизни мира, а он, воспользовавшись жизнью настолько, насколько она казалась ему приятной, отказывается от служения ей миру, как скоро она стала казаться ему неприятной. А стала казаться она ему неприятной только потому, что он не полагал благо своей жизни в том, в чем оно действительно заключается, а в том, в чем не только нет, и не может быть блага. Убивают себя люди почти всегда по двум причинам: или потому что жизнь не дает человеку того счастья, какого он для себя желает, или потому, что человеку кажется, что жизнь его бесцельна, и он не может служить миру – служить миру в той форме, которую он избрал себе. Но и то, и другое происходит от ложного представления о назначении жизни.

В Оптиной пустыни в продолжение более 30 лет лежал по полу разбитый параличом монах, владевший только левой рукой. Доктора говорили, что он должен был сильно страдать, но он не только не жаловался на свое положение, но постоянно, крестясь, глядя на иконы, улыбаясь, очевидно, искренно выражал свою благодарность Богу и радость за ту искру жизни, которая теплилась в нем. Десятки тысяч посетителей бывали у него, и трудно представить себе все то добро, которое распространилось в мире от этого, лишенного всякой возможности деятельности, человека.

Пока есть жизнь в человеке, он всегда может и имеет истинное благо и давать его другим людям. Может иметь это благо, потому что, совершенствуясь в любви, не может не испытывать того высшего блага, которое свойственно человеку, положившему в этом совершенствовании цель своей жизни, и вместе с тем не может не содействовать благу людей, заражая тем свойством любви, которое одно дает истинное благо людям.

III

Ведь неизбежно одно из двух: или человек сознает себя в неразрывной зависимости от какого-то неизвестного ему, не вещественного, но несомненно существующего начала и видит смысл своей жизни в исполнении закона этого начала, или, напротив, признает себя одного начало всего и не знает никакого другого закона, кроме своих желаний. А так как желаний этих может быть бесчисленное количество и самых разнообразных, и самых неисполнимых, и вообще исполнение желаний, зависящих от внешнего мира, не во власти человека, то ясно, что для человека, так понимающего жизнь, жизнь, в которой не исполняются его желания, не представляет никакого смысла и ценности и потому должна быть уничтожена.

Да, удивительно то одурение, в котором в наше время находятся люди нашего христианского мира, и одурение это с каждым годом, с каждым днем становится все больше и больше, как это и не может быть иначе, потому что одурение это непрестанно производится с двух противоположных концов, приводя людей к одним и тем же ужасным последствиям. С одной стороны, одурение это производится тем, что называется церковью, с другой стороны тем, что называется наукой.

Одурение, совершаемое церквами, как католической, греко-российской, так и всех разных наименований протестантскими, всем и известно и понятно. Оно состоит в том, что под именем истинной христианской веры старательно и упорно внушается нечто столь несовместимое с мировоззрением самых мало просвещенных людей нашего времени, как, например, творение в 6 дней, Троица, искупление, воскресение, таинства и мы. др., что большинство людей, как так называемых просвещенных классов, так и людей рабочего народа, не в силах будучи выделить религиозную истину от примешанной к ней лжи, перестают верить в какую бы то ни было религию и остаются в самом несвойственном людям состоянии, без всякой религии, т. е. всякого объяснения смысла и назначения жизни и внутреннего руководства в ней.

Таково дело церкви. Учение же, называемое наукой, доделывает то, чего не успела сделать до конца церковь. Учение это заключается в том, что закон жизни человеческой может и должен быть выведен из законов, наблюдаемых нами в мире природы. И что так как в этом, наблюдаемом нами мире внешней природы происходит борьба существ за свое существование, происходят изменения видов, движение и прогресс, то в этом самом и закон жизни людей, т. е. в сущности то, что то самое, что делают люди, как животные существа, то и должно делаться ими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.